

Неудивительно, что Чэн Мэйсинь, упоминая Шан Сижую, всегда была полна невысказанного гнева. Если бы у нее была возможность, она бы давно расправилась с ним, не мучаясь от постоянного раздражения. Как бы сильна она ни была, она не могла подсыпать яд Шан Сижую прямо под носом командующего, ограничиваясь лишь язвительными словами и взглядами. Шан Сижуй не был человеком, который бы поддавался на провокации, и к тому же был весьма красноречив, умел жаловаться и льстить, так что он ушел из дома командующего не из-за притеснений Чэн Мэйсинь.

— Тогда почему ты ушел из дома командующего?

— Потому что хотел снова петь на сцене.

— Командующий Цао отпустил тебя?

— Сначала не хотел.

Шан Сижуй положил нож и вилку и жестом изобразил оружие:

— Он направил на меня пистолет и спросил, хочу ли я остаться или петь на сцене. Я сказал, что хочу петь, и он отпустил меня.

Чэн Фэнтай глубоко восхитился смелостью Шан Сижую, который предпочел сцену жизни.

Блюда на столе сменяли друг друга, еда была изысканно подана на белых фарфоровых тарелках, но странно, что не было запаха овощей. Вокруг стояла тишина, официанты молчали, сложив руки. Чэн Фэнтай привык к такой обстановке и ел с аппетитом, а Шан Сижуй лишь пробовал блюда, не съедая много. Чэн Фэнтай подумал, что, возможно, артисты стараются сохранять стройную фигуру и поэтому не едят много.

На основное блюдо подали стейк средней прожарки с черным перцем. Шан Сижуй разрезал стейк на маленькие кусочки, но не стал есть, покачав головой:

— Кровь так и брызжет...

Чэн Фэнтай, чтобы не рассмеяться, сделал глоток вина и посмотрел на стейк в тарелке Шан Сижую — он не был слишком сырым:

— Это блюдо именно такое. Если мясо хорошее, оно не будет иметь привкуса крови. Шан-лаобан, вам не нравится?

Шан Сижуй с трудом съел небольшой кусочек, прожевал и не почувствовал никакого удовольствия:

— Бедные иностранцы, каждый день едят такие полуготовые блюда, вот и нападают на нас.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Вы так говорите, будто войска восьми держав пришли за жареной говядиной.

Шан Сижуй сам засмеялся:

— Просто у нас все лучше, вот они и хотят это забрать.

— Это правда, — серьезно кивнул Чэн Фэнтай. — Во время восстания ихэтуаней иностранцы удивлялись даже каменным садам, а уж тонкостенным вазам и вовсе восхищались. Но знаете, что их больше всего удивило?

— Что?

— Наши лицедеи, особенно такие, как вы, Шан-лаобан, мужчины, которые играют женщин так, что их не отличить.

— Эр-е, вы шутите.

— Как я могу шутить! У них тоже были такие певцы, которых кастрировали до мутации голоса, и потом их голоса оставались высокими, даже выше, чем у женщин.

Шан Сижуй задумался:

— Как евнухи из труппы Наньфу.

— Но у них только голос был нормальный, а вот играть женские роли они не могли! Они никогда не видели мужчин, которые играют женщин лучше, чем сами женщины. Когда иностранные послы приехали в Китай, они были поражены! Повсюду красивые лицедеи с тонкими талиями, сладкими голосами, мягкими движениями и яркими глазами, и все это настоящие мужчины! Представляете, как они удивились! Сразу же отправились домой и доложили своему императору.

Шан Сижуй перестал есть, с интересом спросив:

— Правда? А что было потом?

— А потом они вызвали войска восьми держав.

— Что?!

— Войска пришли, чтобы забрать лицедеев, а заодно и золото с драгоценностями, чтобы построить для своего императора...

Чэн Фэнтай быстро придумал:

— Золотую клетку размером с Большой театр Цинфэн, где лицедеи должны были петь и играть день и ночь. А когда дворяне веселились, они бросали им еду.

История Чэн Фэнтая была настолько невероятной, что Шан Сижуй никогда о таком не слышал и с сомнением спросил:

— Это не правда, да?

Затем он вспомнил, что Нин Цзюлан в то время был во дворце. Но он никогда не говорил об этом периоде, а если и упоминал, то с ужасом, так что, возможно, это правда.

— Рассказываю тебе секреты истории, а ты не веришь. Ну ладно, не верь. Давай, ешь.

Шан Сижуй так и не насладился едой, словно услышал страшную историю из сборника «Ляо Чжай». Он был рад, что родился на десять лет позже и избежал этой участи. А еще он был рад, что Нин Цзюлана спас князь Ци, и он не был захвачен иностранцами. Небеса действительно благоволят добрым людям. Последнее блюдо, кокосовый пудинг, было очень вкусным и вернуло его к реальности. Он спросил Чэн Фэнтая:

— Что это?

Чэн Фэнтай, немного подумав, ответил:

— Это иностранный вариант миндального тофу.

Шан Сижуй похвалил:

— Это хорошо сделано! Совсем нет привкуса бобов.

Чэн Фэнтай уже вошел во вкус обмана.

Так как ужин был не очень сытным, Чэн Фэнтай предложил дополнить его, на этот раз предоставив выбор Шан Сижую. Тот посмотрел на часы и смущенно сказал:

— Тогда пойдем в лапшичную Ху.

Чэн Фэнтай не был знаком с этим местом, но Старина Гэ знал его хорошо — там подавали отличную жареную лапшу. Они быстро доехали, и водитель остановил машину, собираясь тоже поесть горячего.

Так как Шан Сижуй был постоянным посетителем, официант узнал его и с радостью подошел:

— О! Шан-лаобан! О! И еще господин! Шан-лаобан, давно вас не было! Какие постановки готовите? Что закажете?

Шан Сижуй посмотрел на Чэн Фэнтай, и тот, не дожидаясь вопроса, сказал:

— Я не буду есть.

Шан Сижуй достал несколько монет:

— Как всегда. Порцию жареной лапши и кисло-острую суп. Остальное оставь себе, только не...

Но было уже поздно, официант, как обычно, громко объявил:

— Эй! Понял! Порция жареной лапши и кисло-острый суп, Шан-лаобан дал два мао!

Шан Сижуй вздохнул и сел за столик. Чэн Фэнтай провел рукой по столу, почувствовав толстый слой жира. В заведении стоял горячий и пряный запах лука и соуса, и все вокруг казалось пропитанным маслом. Но Чэн Фэнтай за последние годы прошел через многое и уже не был таким избалованным, как в юности, поэтому сел, не моргнув глазом, и налил себе чашку горького чая.

Старина Гэ, наблюдая за этим, подумал: «Наш Эр-е, где бы ни сел, всегда выглядит солидно, будто на ужине в ресторане».

Несколько оборванных носильщиков, услышав крик официанта, подошли с мисками лапши. Чэн Фэнтай сначала испугался, но они, видимо, были старыми знакомыми Шан Сижуй и без церемоний сели за стол, не обращая на него внимания, теснясь и вынуждая его подвинуться. Один из них, крупный мужчина, несмотря на зимнюю погоду, был в легкой рубашке с закатанными рукавами, обнажающими мускулистые руки. Он поставил ногу на скамью, где сидел Шан Сижуй, и, хлебая лапшу, смотрел на него. Шан Сижуй улыбнулся ему, и эта улыбка была такой же, как на светских вечеринках, даже более открытой, чем при встрече с начальником департамента Чжоу. Чэн Фэнтай почувствовал, как ему стало жалко Чжоу.

— Шан-лаобан! Как поживаете?

— Хорошо. И вы?

— Какие новые постановки готовите?

— Не совсем новые. Немного переделал. «Встречу с совершенной».

— Что?

— Это «Сваха».

— «Сваха» — это хорошо! Ха-ха! Как там поется? «Барышня! Барышня, какая вы прекрасная!»

Он попытался изобразить женский голос, но это вышло неуклюже, вызвав смех окружающих.

— Как это поется? Шан-лаобан, спойте нам!

— Да! Спойте!

— Шан-гэ, не стесняйтесь! Угостите нас песней!

Шум привлек внимание других посетителей, не знакомых с Шан Сижую. Чэн Фэнтай подумал, что это конец: эти грубияны совсем не уважают артиста, и он, наверное, сейчас рассердится.

Лицо Шан Сижую постепенно покраснело до ушей, но он не показал раздражения. Официант вовремя подал лапшу, чтобы успокоить ситуацию:

— Хватит! Думаете, наш Шан-лаобан молодой и скромный, а вы его запугаете, и он больше не придет! Наша лапшичная держится благодаря Шан-лаобану!

Но толпа не унималась, все громче требуя выступления.

<http://bllate.org/book/15435/1368560>